

Злоупотребление правом и неизбежные противоречия позитивистского дискурса¹

В.И. Кресс

ФГБОУ ВО «Тверской государственный университет», г. Тверь

В статье обосновывается принципиальная несостоятельность попыток отечественных ученых-юристов раскрыть природу феномена злоупотребления правом и выработать убедительные рекомендации по противодействию нарастающей экспансии таких актов в правовой системе России. С позиций конституционного правопонимания причиной происходящего выступает принципиальная неготовность авторов отказаться от догматики неопозитивистского правопонимания вкупе с методологией классической рациональности, обуславливающих внутренние противоречия соответствующих научных суждений и выводов. Следствиями юридического формализма оказываются также взаимоисключающие и равно несостоятельные доводы по вопросам соотношения злоупотреблений правом и правонарушений, мер противодействия и юридической ответственности, а также оптимизации алгоритма необходимого правового реагирования на злоупотребления правом. Фокус критического анализа направлен на представителей процессуального права российской науки.

Ключевые слова: *юридический позитивизм, конституционное правопонимание, злоупотребление правом, субъективные процессуальные права и обязанности.*

В 2025 г. российская юридическая наука могла бы отметить своеобразный «юбилей». Именно на рубеже третьего тысячелетия в отечественном правоведении была стремительно и широко актуализирована проблематика явления, определяемого как злоупотребление правом. Во всяком случае, впечатляет как число научных публикаций и успешно защищенных диссертаций по этому вопросу в нулевые годы XXI в., так и в целом согласие их авторов (независимо от научной специализации) в чрезвычайной опасности повсеместного роста числа злоупотреблений правом и, соответственно, достоверной актуальности намерений научного прояснения природы этого социально-деструктивного явления, столь «демонстративно» несовместимого с идеалом современного правопорядка, и выработки юридических мер противодействия ему и его предупреждения [8]. «Юбилейных» торжеств, однако, не случилось. Отмеченный рост профильных научных разработок в нулевые годы оказался своего рода

¹ Статья подготовлена при технической поддержке СПС «КонсультантПлюс».

«девятым валом», за которым наступил период выраженного спада публикационной активности. В наибольшей мере это касается молодых авторов, реализовавших прагматические цели и, не исключено, оставшихся в неведении о подлинной «новизне» своих разработок. Вместе с тем ученые, предложившие труды достаточно глубокие и даже концептуально артикулированные, также все менее проявляют заинтересованность первоначального («искреннего») характера. И говорят (пишут) они уже преимущественно о «частных случаях» [13] и особенных или исключительных формах, видах, «схемах» воплощения того, что в целом остается критично дискуссионным и далеко не общепризнанным. При том что «снежный ком» злоупотреблений правом меньше отнюдь не становится, скорее напротив, явление это уверенно прогрессирует количественно и «качественно», и связанные с ним проблемы тем более ждут своего решения.

Не исключено, что выраженный диссонанс обозначенного выше положения дел в разнообразных сферах общественных отношений и его спекулятивного юридического отражения коренится в рефлексиях научного правосознания, доходящего «внутри себя» до серьезных (как минимум) сомнений в наличии поводов для «гордости за проделанную работу». Возможно, впрочем, что все обстоит ровно наоборот, и признанные авторитеты в области теории злоупотреблений правом перешли в режим факультативных уточнений, поскольку убеждены в безупречности своих исходных построений и выводов. Как бы там ни было, мы полагаем уместным и важным, в научном и практическом отношении, еще раз обратить внимание на те онтологические и гносеологические спецификации их научного позиционирования, которые характеризуют приверженность юридическому позитивизму (эклектическому неопозитивизму) и потому делают принципиально невозможным научное содействие реализации единственно эффективной стратегии противодействия злоупотреблениям правом, которая вырабатывается на основе конституционного правопонимания и получает необходимую легитимацию в практике Конституционного Суда Российской Федерации.

Выделив уточнение «еще раз», мы не умаляем значимости собственных притязаний на «окончательную истину» в затрагиваемом вопросе, поскольку таковыми не обременены. Конституционное правопонимание равноудалено от всех догматов, в том числе позитивистских и тяготеет к апофатической гносеологии. Такую установку «санкционирует» неисчерпаемость эксплицитных и имплицитных значений (смыслов) и уникальность свойств источника научного «вдохновения» и всей системы права – текста Конституции РФ. Важно тем не менее подчеркнуть, что доводы о заведомой несостоятельности любых позитивистских концепций злоупотребления правом высказывались нами ранее в разгар соответствующей полемики,

причем с позиций общей конституционной теории права [11]. И даже были обобщены в издании, не без умысла определенном как «учебное пособие» [10]. Услышаны они «благоразумно» не были. Позитивизм не может прислушиваться к аргументам, ставящим под сомнение аксиомы и логику такого нормативного регулирования, при котором содержательная полнота права признается лишь до момента, пока она вмещается в рамки формальной определенности (закона), с одной стороны, и сохраняет примат самодостаточности по отношению к иным социальным регуляторам (включая ценности и цели), с другой стороны. Между тем, злоупотребление правом – не конструкт, а деятельный акт, чуждый и враждебный праву не формальному, а живому, органичному в своей всеобъемлющей полноте главным потребностям человеческого духа и интенциям здорового сознания. Поэтому позитивизм сказать ничего «внятного» о злоупотреблении правом не может, а когда все же начинает – по необходимости или недоразумению, – то говорит «и вяло, и темно» (Д. Самойлов), постоянно сбиваясь на повторы и впадая в противоречия. Задача настоящей публикации собственно и сводится уже не к тому, чтобы вновь попытаться убедить в несостоятельности аконституционных теорий злоупотребления правом, но показать «родовые» пороки таких высказываний, предлагая тем самым подумать и о конституционализации научно-правового дискурса в контексте формирования судебного конституционализма [3].

И еще одно пояснение: поскольку объем статьи допускает лишь узкую фокусировку предмета содержательного критического анализа, мы решились ограничиться трудами некоторых представителей современной отечественной науки процессуального права, как сообщества, возможно, наиболее строгих приверженцев классической рациональности в юриспруденции.

Научная дискуссия о злоупотреблении правом открывает то предопределяющее обстоятельство, что ученые-процессуалисты не имеют (с чем они, конечно, не согласятся) своей теоретико-правовой платформы. (Что, впрочем, еще не равно недостатку.) Их специальные (отраслевые) суждения о праве и его сущности опираются на сложную догматическую конструкцию, в которой больше эклектики, чем синтеза. Отчасти она фундирована государственно-волевой трактовкой природы права, доходящей в неопозитивизме до идеала верховенства закона, что особенно благополучно проецируется на область публичного права (к которой изначально «приписано» право процессуальное). Отчасти, однако, процессуалисты вынуждены (во всяком случае, если заходит речь о злоупотреблении правом) обращаться к идеям ученых-цивилистов, как, преимущественно, апологетов частного права. Именно цивилисты, многие из которых заявили о себе и как крупные теоретики права, внесли наибольший вклад в разработку теории субъективных гражданских прав и интересов (понемногу редуцированных до понятия

«законный интерес»). Цивилисты же первыми осознали, что абсолютизация ценности субъективного гражданского права (включая сферы личной и экономической свободы) ведет к логическому тупику, в котором понятие «злоупотребление правом» фигурирует либо как оксюморон [12, с. 160], либо как термин сугубо условный даже с позиций советского легизма [2, с. 429].

Концепция и широко цитируемое определение классика цивилизма В.П. Грибанова ярко отражают указанные трудности [7, с. 63–64]. Предложенное им «вспомогательное» понятие «пределы осуществления субъективных гражданских прав» из упомянутого тупика не выводит, но переводит проблему поиска выхода на следующий «уровень». Цивилисты «примираются» с таким обоснованием постольку, поскольку им удастся ставить знак равенства между предметами гражданского и частноправового регулирования, попутно «приватизируя» и ключевое понятие добросовестности [4, с. 13]. Процессуалисты воспринимают такой пристрастный «рецепт» как универсальный, хотя им-то он и «противопоказан», учитывая, что подлинное правосудие, даже если речь идет о гражданско-правовых спорах или деликтах, есть функция публичной власти.

Так, один из авторитетных исследователей проблемы злоупотреблений правом в сфере гражданского судопроизводства А.В. Юдин, во-первых, фактически не проводит различия – в этом аспекте – между участниками гражданского процесса и судом, а во-вторых, понятие пределов осуществления процессуальных прав номинально заменяет условиями их реализации, умышленное недобросовестное нарушение которых трактуется как «имитация» или «искусственное создание юридических фактов гражданского процессуального права, с которыми связывается наступление правовых последствий в виде совершения судом определенных процессуальных действий (бездействия)» [18, с. 10]. Вопросы о том, как очевидно противоправная «имитация» проецируется на гипотезу непосредственно судебной (судейской) активности (действий или бездействия), а также, что к добавляет к составу правонарушения умышленная недобросовестность его субъекта, – остаются без ответа. Тем более когда злоупотреблениями правом называют случаи прямого нарушения законодательных положений о недопустимости неосновательного иска (ст. 99 Гражданского процессуального кодекса РФ) [20, с. 112] или подачу в суд заявления от мнимых истцов как элемента состава уголовного преступления [19, с. 191]. Справедливое допущение и констатация, того, что злоупотребить можно любой закрепленной процессуальным законодательством возможностью «дискредитируется» полным смешением процессуальных правонарушений и злоупотреблений правом.

Спустя около четверти века после диссертационных публикаций А.В. Юдин признал, что столь «активное» использование инструментария противодействия процессуальным злоупотреблениям правом «чревато размыванием юридических границ категорий "добросовестность" и "злоупотребление"», и тем самым «актуализирует задачу по размежеванию злоупотреблений с иными процессуально-правовыми явлениями» [21]. Что ж, лучше поздно... Но как провести такое межевание, если остается непререкаемым авторское определение злоупотребления процессуальными правами «как особой формы гражданского (арбитражного) процессуального правонарушения», которые «должны влечь применение мер процессуального принуждения»?

Есть и еще один вопрос, предлагаемый ответ на который, скорее, озадачивает. Ученый обращается к известной позиции Верховного Суда РФ для пояснения «ошибочности» квалификации форм процессуального поведения со ссылкой на «привлекательную» ст. 10 ГК РФ, в виду необходимости строгого разграничения в действиях сторон того, что имеет отношение либо к материальному, либо – к процессуальному праву (как к закону). При чем такая возможность отвергается ученым безоговорочно, включая «ссылки по аналогии права». Однако поскольку в действительности Верховный Суд РФ подчеркнул системную правоприменительную связь ряда нормативных положений Арбитражного процессуального кодекса РФ и ст. 10 Гражданского кодекса РФ [14], постольку его допущение «нетривиально» характеризуется как «актуализация последствий материального злоупотребления». Чем такая актуализация отличается от применения последствий злоупотребления правом (точнее, противодействия реализации намерения) – не поясняется. Как и то, почему заключение соглашения об изменении территориальной подсудности является актом реализации материального права. И хотя сам по себе сопутствующий общий довод А.В. Юдина о том, что «процессуальное злоупотребление может служить продолжением злоупотребления материального», отчасти справедлив, остается догадываться о связи предлагаемого процессуального казуса с «ошибочной» квалификацией злоупотребления правом.

Небезупречна и логика сопутствующего утверждения о принципиальной невозможности квалификации в качестве злоупотребления правом факта неисполнения участником (стороной) судопроизводства своей, отчетливо определенной в законе процессуальной обязанности. Здесь нет повода для научной рефлексии, как, впрочем, не приводятся и примеры из судебной практики. Хотя соответствующая «авторитетная» аргументация в целом известна и воспроизводит риторику Европейского Суда по правам человека [1].

Неслучайно, как нам думается, в последних по времени работах известного процессуалиста недобросовестность сторон спора, «состоящая в имитации судебного процесса для достижения каких-либо противоправных целей», с понятием злоупотребления правом лексически уже не связывается [17].

Научное признание получила в свое время попытка Я.В. Греля (специалиста, имеющего непосредственное отношение к судебной практике), дать комплексное обоснование природы злоупотреблений процессуальными правами, отправляясь от доктринального догмата о «противоречиях между формальной определенностью норм закона и потребностью справедливого правового регулирования» [5, с. 6]. В очередной раз это свелось к поиску «дополнительных критериев, образующих пределы права», а концептуальной новизной – применительно к обычным (цивилистическим и частноправовым) аргументам – стала «цель процесса в правильном и скором разрешении дела». Автор упустил из виду главное: необходимость обосновать, каким образом такая – объективно-правовая – цель оказывается «внутри» субъективного процессуального права, и без каких-либо пояснений заключил, что «некоторые виды недобросовестного осуществления процессуального права на уровне закона возводятся в ранг правонарушения», за совершение которого «могут предусматриваться специальные меры ответственности» [5, с. 8–9]. При этом упомянутый видовой критерий в обосновании отсутствует, точнее – подменяется заурядным позитивистским правом законодателя. Важное замечание о «разной амплитуде» действия общей оговорки процессуальной добросовестности, концептуального развития не получает, хотя именно здесь мог бы состояться переход к конституционному правопониманию.

Так же как многие исследователи вопроса, после защиты диссертации Я.В. Грель о злоупотреблении правом в литературе практически не высказывается, даже там, где это было бы вполне уместным. Например, применительно к значению принципа разумного срока как одного из ключевых элементов права на справедливое судебное разбирательство [6].

Не помогает утвердить процессуальную истину о сущности злоупотреблений правом и методология компаративизма [9, 15], хотя обращение к опыту правовой системы такой страны, как Германия выглядит оправданным, учитывая исторические связи и научный авторитет в России немецкой теоретико-правовой традиции и теории и практики конституционализма [1]. Показательно, что общие представления по названной проблеме сложились в Германии в результате противоборства двух юридико-идеологических течений: «либерального», выступавшего за диктат личности, и «социального», настаивавшего на примате общественных интересов в гражданском судопроизводстве [1, с. 7–8]. И представления эти предвосхищают

современные находки российских ученых, поскольку речь идет о примате целей гражданского процесса, к которым относится защита частных и публичных интересов, а также сохранение мира и общественного порядка. Любое злоупотребление процессуальным правом входит в противоречие с такими целями, чему противостоит обязанность каждой стороны добросовестно осуществлять свои права. Поэтому именно добросовестность (а не формальная законность) признается основным принципом как гражданского процессуального права, так национального правопорядка в Германии [1, с. 9, 15, 19–20].

Казалось бы, понемногу все становится на свои места. Далее, однако, перспективу научной рецепции «затемняет» то обстоятельство, что в юридической практике Германии выделяют четыре формы недобросовестного поведения, среди которых помещается и злоупотребление процессуальными полномочиями, но наряду с другими, вполне конкретизированными нарушениями процессуальных запретов. Не раскрывают искомого общего понятия и последующая конкретизация видов злоупотребления правом на иск, а также еще одна доктринальная инновация: «обход закона» [1, с. 16–18]. Позитивистское дробление и классификация внешних форм нарастают, точно так же, как в «собственных» исследованиях российских ученых, вплоть до объявления, казалось бы, общеправового (межотраслевого) принципа добросовестности вначале гражданским, а затем и «материально-правовым по своей природе», что исключает «возможность его прямого действия применительно к процессуальным правоотношениям».

Стоит отдать должное В.О. Аболонину, который с редко присущей отечественным процессуалистам склонностью обращается и к конституционной аргументации. В положениях ч. 3 ст. 17 Конституции РФ ученый справедливо находит связь с доктринальной посылкой немецких ученых о возможности применения «идеальной конструкции “правового единства”», согласно которой допускается взаимное влияние гражданского и гражданского процессуального права в некотором ограниченном числе случаев, одним из которых является злоупотребление правом» [1, с. 8. 20–24]. Уточним только, что применяться этот конституционный принцип судами не может, а должен, и не «по аналогии с принципом добросовестности в § 242 ГК Германии», и не как исключение, а всюду, где этого требуют цели признания и обеспечения российских конституционных ценностей, в том числе, как они определены в стратегически значимом Указе Президента РФ [16], и как (включая конституционные права, свободы и интересы) обуславливают системно-структурное единство российского национального правопорядка.

В завершение повторим, что выбор для критического анализа проблематики злоупотреблений правом только работ ученых-процессуалистов продиктован сугубо прагматическими соображениями

и предлагаемые оценки во многом остались бы теми же в случае обращения к трудам представителей других юридических наук. Общий дефицит конституционного правопонимания и примат формального неопозитивизма в отечественном правоведении не позволяют уйти от противоречий и непоследовательности в суждениях о природе злоупотреблений правом, их отграничении от правонарушений и иных юридически значимых деяний, универсальных критериях идентификации, а также о мерах и алгоритме необходимого противодействия легально-токсичным (неконституционным) актам и притязаниям, заявляющим о себе во всех сферах жизни. Изменить такое положение дел можно только в контексте конституционализации отечественной правовой системы, включая юридическую науку и практику.

Список литературы

1. Аболонин В.О. Злоупотребление правом на иск в гражданском процессе Германии: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2008. 27 с.
2. Агарков М.М. Проблема злоупотребления правом в советском гражданском праве // Известия АН СССР. 1946. № 6. С. 425–436.
3. Бондарь Н.С. Нетипичные источники судебного правоприменения: конституционные механизмы формирования и реализации // Журнал российского права. 2024. № 2. С. 5–27.
4. Волков А.В. Злоупотребление гражданскими правами: проблемы теории и практики: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2010. 43 с.
5. Грель Я.В. Злоупотребления сторон процессуальными правами в гражданском и арбитражном процессе: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Новосибирск, 2006. 27 с.
6. Грель Я.В. Новации о разумном сроке в контексте эффективности судопроизводства // Вестник Томского государственного университета. Серия Право. 2011. № 1. С. 20–23.
7. Грибанов В.П. Осуществление и защита гражданских прав. М.: Статут, 2012. 414 с.
8. Зайцева С.Г. Злоупотребление правом как правовая категория (вопросы теории и практики): автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Волгоград, 2003. 26 с.
9. Коренченко Р.Е. Процессуальная добросовестность: необходимость или излишество? (на примере законодательства Российской Федерации и Республики Казахстан) // Российский судья. 2023. № 2. С. 54–57.
10. Крусс В.И. Злоупотребление правом: учеб. пособие. М.: Норма, 2010. 176 с.
11. Крусс В.И. Конституция и злоупотребления правом: современный контекст // Вестник ТвГУ. Серия: «Право». 2009. № 9, вып. 15. С. 67–75.
12. Малейн Н.С. Юридическая ответственность и справедливость. М., 1992. 243 с.
13. Мельник В.Д. «Дробление» иска как частный случай злоупотребления процессуальными правами // Арбитражный и гражданский процесс. 2023. № 7. С. 28–30.

14. Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 23.12.2021 г. № 46 «О применении Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации при рассмотрении дел в суде первой инстанции» (абз. 3 п. 17) // СПС «КонсультантПлюс».

15. Приходько А.И. Подача явно необоснованной жалобы и злоупотребление правом подачи жалоб: подходы Европейского Суда и отечественная практика // Европейская интеграция и развитие гражданского процесса в России: сб. научных статей. М., 2006. С. 71–81.

16. Указ Президента РФ от 09.11.2022 г. № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей» // СПС «КонсультантПлюс».

17. Юдин А.В. Очерк 7. Обязанность доказывания в контексте правомерности заявленных исковых требований и возражений // Очерки современного гражданского процесса: In Memoriam заслуженного деятеля науки Российской Федерации, доктора юридических наук, профессора Тамары Евгеньевны Абовой / Д.Б. Абушенко, Т.К. Андреева, С.Ф. Афанасьев и др.; под ред. Е.И. Носыревой, И.Н. Лукьяновой, Д.Г. Фильченко. М.: Статут, 2023. 324 с.

18. Юдин А.В. Злоупотребление процессуальными правами в гражданском судопроизводстве: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Санкт-Петербург, 2009. 47 с.

19. Юдин А.В. Злоупотребление процессуальными правами в гражданском судопроизводстве. СПб.: Издательский Дом С.-Петерб. гос. ун-та, 2005. 360 с.

20. Юдин А.В. «Злоупотребление правом на обращение» по делам о защите чести и достоинства граждан, а также деловой репутации юридических лиц // Журнал российского права. 2006. № 10. С. 108–114.

21. Юдин А.В. Разграничение злоупотреблений процессуальными правами в гражданском процессе со смежными правовыми явлениями // Закон. 2022. № 7. С. 30–38.

Об авторе:

КРУСС Владимир Иванович – доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой теории права юридического факультета ФГБОУ ВО «Тверской государственный университет» (170100, г. Тверь, ул. Желябова, 33), SPIN-код: 4253-0971, e-mail: t-prava@yandex.ru

Abuse of rights and the inevitable contradictions of positivist discourse

V.I. Kruss

Tver State University, Tver

The article substantiates the fundamental failure of attempts by domestic legal scholars to reveal the nature of the phenomenon of abuse of law and to develop convincing recommendations for countering the growing expansion of such acts in the Russian legal system. From the standpoint of constitutional legal understanding, the reason for what is happening is the fundamental

unwillingness of the authors to abandon the dogmatics of neopositivist legal understanding, coupled with the methodology of classical rationality, which determine the internal contradictions of the corresponding scientific judgments and conclusions. The consequences of legal formalism also turn out to be mutually exclusive and equally untenable arguments on issues of the relationship between abuses of law and offenses, countermeasures and legal liability, as well as the optimization of the algorithm of the necessary legal response to abuses of law. The focus of the critical analysis is on representatives of Russian procedural law science.

Keywords: *legal positivism, constitutional legal understanding, abuse of rights, subjective procedural rights and obligations.*

About author:

KRUSS Vladimir – the doctor of Law, professor, Head of the Department of Theory of Law of the Tver State University (170100, Tver, Zhelyabova street, 33), SPIN-code: 3179-2045, e-mail: t-prava@yandex.ru

Крусс В.И. Злоупотребление правом и неизбежные противоречия позитивистского дискурса // Вестник ТвГУ. Серия: право. 2025. № 3 (83). С. 66–75.

Статья поступила в редакцию 25.08.2025 г.

Подписана в печать 25.09.2025 г.